

Рахманинов С. В.
(конкурс)

15.5.02.

Триумф вопреки "подводным течениям"

Культура, — 2002, — 25 апр. — 15 мая, — с. 7

Первый Российско-Американский фортепианный конкурс им. Рахманинова. Размышления жюри, заметки слушателя

Пасадена — название этого небольшого города-спутника Лос-Анджелеса несколько недель было на слуху у музыкальной общественности. Здесь прошел Первый Российско-Американский фортепианный конкурс имени Рахманинова.

Поначалу заявки на участие подали около 80 молодых пианистов из 25 стран. Сквозь горнило отборочного тура прошли только 30 наиболее талантливых. Идея совместного конкурса родилась еще семь лет назад. Ее автором выступил А. Тер-Татевосян — руководитель некоммерческой организации "Мастер классиз интернешнл" в Лос-Анджелесе. Он же и президент конкурса. Идею поддержало Министерство культуры России, а подготовку и проведение с российской стороны осуществлял Международный центр фестивалей, конкурсов и культурного сотрудничества с зарубежными странами министерства (руководитель С. Шаумян). На инициативу откликнулись власти города Пасадены и штата Калифорния.

Проект имел еще и некий философский смысл: он объединял родину Рахманинова и страну, где композитор работал долгие годы, а проводился в Южной Калифорнии, где Сергей Васильевич прожил свои последние дни. Отсюда и мудрая позиция паритетов: не только два организатора, но и два сопредседателя (Николай Петров и Байрон Дженис), два оркестра на 3-м туре: симфонический города Пасадены (дирижер Дж. Местер) и Большой симфонический им. Чайковского из Москвы (дирижер Н. Алексеев).

Скажем сразу — идея себя полностью оправдала. Конкурс был организован блестяще. Однако подготовка к этому событию в обеих странах проходила достаточно драматично. И в России, и в Америке были те, кто приложил немало усилий, чтобы его сорвать: склоки, "подводные течения", двусторонняя обструкция сопровождали работу организаторов. Были и серьезные финансовые проблемы. "Еще год назад, — говорит мэр Пасадены Билл Богарт, — проведение конкурса казалось сомнительным". Тем более важны итоги, результат.

Нарушить "обет молчания" члены жюри могли только после объявления результатов. Говорит Н. Петров: "Я потрясен, какое было единение, какие были замечательные люди,

какие имена: Владимир Ашкенази, патриарх фортепианной музыки, последний оставшийся американский романтик Эрл Уайлд. Один из любимых учеников Владимира Горовица и блистательный пианист, игравший в России, Байрон Дженис. Все члены жюри — "играющие тренеры", а не просто педагоги, как бывает почти всегда". Члены жюри отмечают ровную, дружелюбную и объективную атмосферу, в которой им довелось работать.

"У нас, — говорит Б. Дженис, — был "чистый" конкурс. Практически все решения принимались единогласно. Говорят, так бывает крайне редко".

Видимо, не последнюю роль в подобной консолидации людей, работавших честно и профессионально, сыграл тот факт, что по условиям конкурса никто из учеников члена жюри не имел права в нем участвовать, а значит, не могло возникнуть корыстных интересов. "Голосование в каждом из трех туров, — говорит член жюри, ректор Московской консерватории А. Соколов, — выявило удивительно единодушные профессионалов, корпоративно абсолютно не связанных друг с другом". Следует сказать, что и сама система голосования была достаточно демократичной: только "да" и "нет" при переходе с 1-го тура на 2-й и со 2-го на 3-й. И лишь при распределении мест в финале требовалось две трети голосов. Кстати, именно это условие явилось причиной того, что яркому польскому пианисту Яну Криштофу Бройа, который многих поразила на 2-м туре блестящим исполнением Дебюсси, не досталась третья премия. Собственно, она не досталась никому. "Большинство из нас, — говорит член жюри из США Люси Ишканян, — сочли, что разрыв в качестве исполнения между второй премией и остальными финалистами слишком велик, чтобы присуждать третью. Мы хотели сохранить высокий уровень конкурса".

Зато первая и вторая сомнений не вызвали. Как уже сообщалось, обладателем первой премии (30 тысяч долларов), учрежденной внуком композитора — Александром Рахманиновым, и золотой медали лауреата стал пианист из Казани россиянин Евгений Михайлов. Согласно условиям конкурса ему подарен и рояль японской фирмы Каваи.

Вот что говорят о Михайлове члены жюри. Б. Дженис: "На всех трех турах он был ровным и убедительным, очень хорошо играл". "Я его слышал впервые в жизни, — замечает Н. Петров. — Этот молодой человек обладает редким сегодня качеством: он интеллигентен и артистичен в своем обращении с инструментом".

Владимир Ашкенази знаком с Евгением как дирижер по совместному выступлению в Германии с Берлинским симфоническим оркестром. "Он талантливый человек, — говорит В. Ашкенази, — на конкурсе был лучше всех, играл отлично, хорошо подготовлен".

Еще семь лет назад Михайлов стал лауреатом первой премии на Международном конкурсе им. Скрябина. "С тех пор он очень вырос, — считает профессор Московской консерватории, председатель жюри конкурса им. Скрябина Михаил Воскресенский. — Сейчас Евгений — интересный музыкант с огромным разнообразием звуковых средств".

Особенно сильное впечатление на слушателей и жюри произвела Рапсодия на тему Паганини, которую Михайлов блестяще играл с оркестром на третьем туре и церемонии закрытия. А внучка Скрябина и вдова Софроницкого — Роксана была потрясена его выбором и исполнением на 2-м туре самой трудной, 7-й сонаты Скрябина, для чего требовалось огромное мужество и вера в себя. Она живет в Сан-Франциско и приехала на конкурс "послушать Женю", с которым дружит со времени скрябинского конкурса.

Вторая премия в Пасадене (20 тысяч долларов) и серебряная медаль достались японской пианистке Мазуке Кано. По мнению всех членов жюри, она прошла весь конкурс идеально ровно, нигде не оступившись. Пианистка очень музыкальна, прекрасно выучена. И хотя девушка сублина, не обладает мощным "форте" (у нее маленькие руки, и поэтому во втором концерте Рахманинова ей технически не все было легко делать), но справлялась она с программой достаточно успешно.

У американского финалиста Нинга Ана, по мнению Б. Джениса, существует проблема со звуком — всегда одинаковый, приглушенный, сгипсованный. Хорошо прошел два тура (особенно понравился на 2-м — Рондо Шопена), а затем, как говорится, "скис". Но если исправит этот недочет, считает Б. Дженис, то может стать очень хорошим пианистом: он чувствует музыку, в нем

много артистизма, у него прекрасные учителя.

Еще один российский участник финала — 20-летний Федор Амиров — пытался своим хипповатым внешним видом эпатировать публику. На 3-м туре он, по мнению жюри, играл "ординарно, скучно и с колоссальными огрехами". Часто выпускал авторский текст и добавлял посторонние ноты.

И, наконец, весьма неординарная, даже скандальная ситуация с итальянским финалистом Алессио Чioni. Он тоже удачно играл на двух турах (особенно понравился 2-й этюд Шопена на 1-м туре), потому и оказался в финале. Но на 3-й тур вышел с абсолютно неподготовленной программой. В Концерте Рахманинова "напел" такое, что жюри это расценило как надругательство над музыкой композитора, над оркестром и дирижером. "Муки" членов жюри (по условиям конкурса, они не могли его остановить) не поддавались описанию. Сидящим в зале было заметно, что многие из них страдали физически. Чioni был наказан: его лишили звания лауреата и 10 тысяч долларов, которые, по условиям конкурса, получали финалисты, не занявшие первые три места.

"Это была настоящая катастрофа, — говорит Б. Дженис. — Мы пришли к выводу, что должны так поступить, чтобы удержать уровень конкурса. Иначе все бессмысленно". "Ничего другого мы сделать не могли. Было бы действительно несправедливо, если бы он получил такую сумму денег только за то, что прошел в финал", — считает В. Ашкенази. "Он очень талантлив, — полагает, впрочем, Э. Уайлд, — и то, что произошло, должно послужить ему прекрасным уроком".

Как тут не вспомнить многочисленные Конкурсы им. Чайковского в Москве, когда оргкомитет оплачивал дорогу без разбору всем, кто хотел приехать. Некоторые из них, едва "наковыряв" что-то на 1-м туре, потом просто гуляли по Москве, наслаждаясь ее красотами. Мы, работавшие на этих конкурсах, прозвали их "музыкальными туристами".

"Достижения, — говорит Н. Петров, — у всех разные, ошибки — одинаковые в любом месте земного шара, не зависит ни от национальности, ни от школы. Чаще всего они связаны с плохим преподаванием".

Российский сопредседатель жюри считает, что "пощечин" на этом

конкурсе рояль получил немало. "Говорю в прямом смысле слова: "пощечина" — это когда по роялю бьют, как по боксерской груше. Или упражняются в спринте: кто быстрее. Такого тоже хватало".

Узость кругозора многих музыкантов Н. Петров усматривает в том, что на 1-м туре жюри пришлось прослушать чуть ли не 18 раз 31-ю сонату Бетховена (опус 110). Из огромного количества этюд-картин Рахманинова большинство участников играли ми-бемоль-минорную (опус 39), из гигантского числа прелюдий — в основном си-бемоль-мажорную и соль-диез-минорную.

Б. Дженис больше всего жалеет о том, что на конкурсе было слышно мало "легато" и "кантилены". "Сегодня проблема молодых пианистов — отсутствие души, — говорит он, — хотя многие из них прекрасно владеют техникой. Но ведь суть музыки не в этом. Для пианиста за роялем главное — творить музыку, раскрывать тайнства, заложенные в ней. Техника важна, но она вторична". Ту же мысль высказывает Н. Петров: "К сожалению, многие участники конкурса, обладающие колоссальным фортепианным арсеналом, читают только нотные знаки. А ведь в каждой партии есть огромное количество интереснейших тайн, которые найдет опытный и ищущий музыкант".

3-й тур проходил в огромном зале "Сивик аудиториум" (3 тысячи мест), построенном в 20-е годы прошлого века. Здесь однажды играл и сам Рахманинов. Кроме его концерта, финалист обязан был исполнить концерт Бетховена — самого "сопротивляемого" композитора, где музыкант предстает либо во всей своей красе, либо в немощи. Из россиян, считает Н. Петров, удивительно хорошо показала себя казанская школа: Е. Михайлов — ученик профессора Э. Бурашневой, ее же воспитанник М. Майков — полуфиналист конкурса. Всего в Пасадену приехали восемь россиян (на отборочный тур прислали свои кассеты 40, включая тех, кто учится за границей). Из них четверо стали полуфиналистами, двое (Михайлов и Амиров) вышли в финал. Что ж, было и лучше. Причину того, что российские участники показали себя не во всем блеске, А. Соколов видит в том, что в течение нескольких месяцев сошлись три конкурса: имени Рахманинова в Москве, нынешний в Пасадене и в июне — пред-

стоящий имени Чайковского. И тут всплывает более широкая проблема, о которой говорилось в Калифорнии. "Конкурсов слишком много, — сетует В. Ашкенази, — хотя очень редко бывают огромные настоящие таланты. Получается дефляция и качества, и талантов, и идей".

Программы часто похожи, и многие молодые музыканты не учат новые произведения, не заботятся о расширении репертуара, а разъезжают по конкурсам, превращая их из творческого соревнования в обыкновенную работу, источник заработка.

В качестве примера члены жюри приводили талантливого Сергея Тарасова, который постоянно участвует в бесконечном количестве конкурсов, — после Пасадены, где он не прошел в финал, уже собирается на конкурс в Миннеаполис. В его исполнении, несмотря на прекрасные данные и великолепного педагога Л. Наумова, они не услышали ни тайнства, ни фантазии, ни свежести, а лишь рутинную работу. "Это не был ни Пьер Карден, ни Армани, а всего лишь Макдоналдс, куда можно зайти и "сникерснуть", — считает Н. Петров. — В таком же стиле Тарасов умудрился на 2-м туре сыграть даже "Картинки с выставки" Мусоргского.

Возможно, — размышляет Петров, — Международной ассоциации конкурсов следует задуматься над их количеством. Многие соревнования музыкантов проводятся ежегодно, а "природа не столь щедра, чтобы на каждый конкурс подготавливать обойму из Рихтеров, Коганов и Ростроповичей".

Итак, конкурс завершен. Два главных критерия превалировали на нем — художественная правда и отсутствие компромиссов. Прекрасная организация и щедрость организаторов — нигде полуфиналисты не получают по 2 тысячи долларов — выводят его в число уникальных событий в мировой музыкальной жизни. Что бы ни говорили злопыхатели, как бы ни старались замалчивать значение этой совместной акции, она, безусловно, была успешной, и, надеемся, будет иметь продолжение через четыре года.

Елизавета ШТАЙГЕР
Пасадена — Москва

По сообщениям
корреспондентов
"Культуры" и ИТАР-ТАСС